

К рассвету пламя наконец удалось сбить, но пожар все еще не утих полностью.

Почти все жители уезда поднялись на борьбу с огнем. Теперь, перепачканные сажей и пропахшие речной тиной, знакомые и незнакомые люди стояли плечом к плечу. На их изнуренных лицах читались самые разные чувства, кое-где слышался тихий плач.

Цзян Умянь стоял среди руин, угрюмо созерцая пепелище, где глина, обугленные бревна и серый пепел смешались в единое грязное месиво. Во взгляде его сквозила холодная ярость — он мысленно занес еще один долг на счет бунтовщиков.

Успокоив горожан, он направился обратно в управу, на ходу прикидывая в уме:

— Предыдущий уездный судья правил здесь шесть лет. Ни подвигов за ним не числилось, ни грубых промахов — тишь да благодать, полнейший застой. Если считать по шесть тысяч даней зерна в год, за шесть лет набегает тридцать шесть тысяч. И это как минимум.

Советник Цзян, уловив ход мыслей господина, тут же подхватил:

— Резервные амбары под завязку вмещают около десяти тысяч даней. В этом году доу неочищенного риса стоит около пятидесяти вэней. Если же его обмолотить и раздробить, на Западном рынке цена поднимется до семидесяти. За последние три года расценки немного колебались, но в пределах десяти вэней, так что за среднюю величину можно принять семьдесят пять вэней.

При цене в семьдесят пять вэней за доу, один дань, равный десяти доу, обойдется в семьсот пятьдесят вэней. За шесть лет набегает добрая двадцать семь тысяч лянов серебра.

Однако на деле расчеты куда тоньше. В каждом доу добрую треть веса всегда составляли песок да мелкие камни — торговцы щедро сыпали их для веса, чтобы выгадать еще несколько цяней. Стало быть, и сумма, которую предстоит взыскать, окажется значительно выше.

Выведя в уме окончательную цифру, советник Цзян внутренне содрогнулся. Если простой уездный судья сумел прикарманить такое богатство, то как же выживал простой люд?

— Вернемся в управу, пусть регистратор У поднимет все ведомости и отчеты, — распорядился Цзян Умянь. Он шагал стремительно и уверенно, а его хриплый от долгого крика на пожаре голос так и веял холодом. — Каждую монету, до последнего полувэня, этот подлец вернет сполна.

Продолжая мысленно сводить счета, судья перечислял пункты будущей расплаты:

— Сожженное мятежниками зерно, уничтоженные закрома, урон, нанесенный самой управе — все это нужно скрупулезно подсчитать. Мы найдем, с кого требовать этот долг.

Разбойников, нагрянувших в уезд Шаоюань, было немало, но и великим войском их назвать было нельзя. Будь их больше, за ночь они вывезли бы все подчистую, оставив от амбаров лишь пустые стены.

Руководя тушением пожара и осматривая пепелище, Цзян Умянь прикинул объемы уцелевшего зерна по площади разрушенных закомов. Выходило негусто — едва ли наберется тысяча даней.

— Оплата плотникам, строевой лес, проектные чертежи, уничтоженный запас зерна, стоимость восстановления закомов, выбитые окна и двери управы, а вдобавок — ворота, которые карательный отряд разнес на щепки при штурме... — советник Цзян торопливо набрасывал на бумаге статьи расходов.

Итоговая сумма получилась столь внушительной, что если даже изловить всех бунтовщиков и продать на вес, вырученных денег не хватило бы и на малую часть расходов.

Ситуация складывалась непростая. С бывшим уездным судьей все было ясно: конфискованное у него добро целиком перейдет в казну Шаоюаня. С мятежниками же дела обстояли иначе. Территория их набегов была огромной, и большая часть захваченного ими добра уйдет на покрытие военных расходов карательного войска либо вернется в закома других префектур. Уезду Шаоюань от этого пирога достанутся лишь крохи.

В резервных хранилищах уезда изначально находилось около трех тысяч даней зерна. Если предположить, что пожар пощадил тысячу, значит, мятежники успели вывезти примерно две тысячи. За вычетом доли, причитающейся правительственным войскам в качестве провианта, уезду должно было вернуться около тысячи даней. Маловато, конечно, но на первое время хватит, чтобы не умереть с голоду.

Цзян Умянь раздраженно потирал рукоять тяжелого двуручного меча-модао. Из-за бессонной ночи под глазами залегли темные тени, а насупленные брови выдавали крайнюю степень недовольства.

За размышлениями он и не заметил, как дошел до ворот управы. Он замер на пороге, собираясь отдать указания, как вдруг перед ним раздался знакомый голос:

— У ворот уездной управы и без вас хватает духов-хранителей, судья Цзян. Не стоит лично нести дозор на пороге.

Очнувшись от дум, Цзян Умянь мрачно подумал:

«Будь я духом-хранителем этих врат, ты бы сегодня и шагу через порог не сделал»

подавив едкий ответ, он сухо поклонился, сложив руки в приветствии перед Бай Чуханем:

— Приветствую вас, губернатор Бай, — выдавил он медленно и нехотя. Обожженное дымом горло отозвалось резкой болью.

Бай Чуханя, похоже, позабавила эта неприкрытая неприязнь. Отворотившись, он тихо усмехнулся и произнес:

— Ваши советники Линь Шоуюань и Чжан Жун уже прибыли с официальными верительными грамотами и ждут вас в управе.

Едва советники вместе с тремя инспекторами патрульной службы вошли в город и предъявили страже подорожные, их тут же препроводили к главнокомандующему.

В тот момент Цзян Умянь как раз руководил тушением пожара и сводил первые расчеты. На пепелище царила суматоха, кругом сновал народ, и разминуться в такой толпе было проще простого.

Расспросив прибывших и лично проверив указ о назначении, Бай Чухань велел своим личным гвардейцам проводить их на отдых.

Инспекторы вскоре разошлись по делам, а вот советники наотрез отказались отдыхать и настояли на том, чтобы дождаться уездного судьи. Сейчас они коротали время в управе за чашкой чая.

Узнав, что его люди благополучно добрались до города, Цзян Умянь не стал терять времени. Проводив взглядом щегольски одетого губернатора Бая, собравшегося куда-то по делам, судья решительно направился внутрь управы. Сон мог подождать — следовало немедленно встретиться с прибывшими.

За чаем все пятеро быстро обменялись новостями, по крупицам восстанавливая полную картину разыгравшейся в Шаоюане трагедии.

— Положение дел в городе вам теперь известно, — подвел черту Цзян Умянь. — И хотя до окрестных деревень мы еще не добрались, сомневаюсь, что там ситуация лучше. Какие будут соображения, господа?

Советники переглянулись. Наконец их взоры обратились к Линь Шоуюаню. Как главному стратегическому уму в их кругу, ему по праву полагалось брать слово первым, пока остальные готовились дополнить его выводы.

Тщательно взвесив каждое слово, Линь Шоуюань заговорил:

— Раз уж губернатор Бай не торопится уводить войска обратно в префектуру Сунцзян, у него наверняка есть на то веские причины. Бунтовщики проникли в город, смешавшись с толпой

беженцев. Стало быть, первоочередной задачей для армии сейчас станет повальная проверка всех пришлых. И результаты мы увидим дня через три, не позже.

Цзян Умянь отлично понимал, что Бай Чухань полумерами не ограничится. Тот непременно заставит проверить подворные списки и подорожные листы всех без исключения горожан, дабы выкурить затаившихся разбойников.

И пусть еще недавно судья мечтал выставить высокопоставленного гостя за порог управы, когда дело доходило до практической выгоды, он ничуть не брезговал возможностью загребать жар чужими руками.

— Губернатор Бай прибыл сюда ради искоренения смуты, так что выявление мятежников среди пришлых — его прямая обязанность, — с благодушной улыбкой подхватил советник Чжан, ловко подменяя понятия. — А вот их дальнейшее обустройство ляжет уже на плечи нашей управы. Будет ли это выдача новых документов и внесение в подворные реестры или же высылка на прежнее место жительства — все это решать вам, господин судья.

По закону, именно уездному судье следовало бы мобилизовать местных чинов для содействия карательным войскам в чистке. Однако у Цзян Умяня была своя логика: пусть Бай Чухань выполнит всю грязную работу, а затем преподнесет ему уезд Шаоюань очищенным от всякой скверны.

Сделав глоток из пиалы, Цзян Умянь одарил советника Чжана одобрительным взглядом. Линь Шоуюань понимающе смолчал, сделав вид, будто ничего не заметил, советник Цзян принялся усердно изучать узоры на полу, а советник Чжао и вовсе уставился в пустоту с таким видом, словно внезапно оглох.

Смягчив сухость в горле новой порцией чая, судья распорядился:

— Тех беженцев, чье происхождение подтвердится, вышлем обратно на родину. Бездомных же, желающих осесть в Шаоюане, пристроим к делу. Из пяти главных улиц города одна выгорела до основания, да и резервные амбары обратились в пепел. На обеих стройках рабочие руки нужны позарез, так что без дела никто не останется.

После погрома в Шаоюане уцелела едва ли треть жителей, да и те сейчас были заняты по уши: на дворе стояла пора «хлебных дождей» — Гуюй. На юге области Линнань быстро теплело, влага прибывала, и крестьяне спешили на рисовые чеки. Свободных рук в уезде не было совершенно, отвлекать людей на расчистку улицы Мира и восстановление складов было непозволительной роскошью.

Молчавший доселе советник Цзян нахмурился:

— Господин уездный судья, но на чьи шиши мы станем кормить эту ораву? Неужто за счет управы?

За простым словом «обустройство» скрывались колоссальные траты. Беженцы — народ в большинстве своем молодой да крепкий, едят они за двоих. Если положить по два лян риса на человека за один раз, то сотня ртов за месяц уничтожит восемнадцать даней зерна. А на тяжелых строительных работах норму придется увеличить втрое, что даст уже пятьдесят четыре даня.

Стоит слуху о сытной работе в Шаоюане разлететься по округе, как сюда хлынут обездоленные со всех соседних уездов. С таким наплывом голодных ртов не справится и полный амбар.

И это не говоря о том, что собственные закрома управы обратились в пепел, а остатки зерна вместе с арсеналом погребены под слоем жидкой глины. Искать там уцелевшее просо — затея пустая. Проще надеяться, что та самая отвоеванная тысяча даней поможет уезду дотянуть до осенней жатвы. А значит, спасение было лишь в одном — в полной конфискации добра, нажитого прежним уездным судьей!

Поглаживая пальцем край пиалы, Цзян Умянь спокойно ответил — этот шаг он продумал заранее:

— Мы установим твердую плату за труд. Склады принадлежат управе, стало быть, и расходы на их восстановление несет казна. Сейчас в ней пусто, но как только мы вытрясем сундуки моего предшественника, серебро появится. Что касается улицы Мира, то земля там принадлежит тамошним домовладельцам. Если они желают расчистить свои участки, пускай сами нанимают рабочих за монету или зерно. Пока армия занята чисткой беженцев, мы займемся проверкой уездных книг. Как только на руках окажутся неопровержимые улики казнокрадства, губернатор Бай просто не посмеет умыть руки. Бывший уездный судья годами кормился от щедрот Великой Чжоу, но вел себя как ненасытный червь-древоточец: утаивал налоги и обирал подданных. Такое преступление не должно остаться безнаказанным.

«Господин уездный судья, сколько бы вы ни прикрывались заботой о государстве, вам просто не терпится пустить с молотка имущество предшественника!»

Линь Шоуюань и советник Чжан даже бровью не повели, слаженно подхватив благочестивый тон начальника:

— Помыслы вашего превосходительства исполнены верности престолу и заботы о простом люде. Вы являете собой истинный образец добродетели для всех нас!

Советнику Цзяню и советнику Чжао до подобного лицемерия было еще далеко. С каменными лицами они молча созерцали это представление.

Цзян Умянь тем временем перешел к делу, быстро распределяя обязанности:

— Как только закончится проверка пришедших, советник Чжан возьмет их под свое начало и приведет к управе. Для острастки попросим у губернатора пару отрядов стражи — управа

оплатит их услуги серебром и провиантом. На долю советника Чжао выпадет осмотр пепелища и составление сметы на восстановление резервных закромов. Когда руины расчистят, займем людей делом — пусть строят новые закрома. Так мы на ближайшие пару месяцев избавимся от бродяг, слоняющихся без дела и мутящих воду.

— А средства на строительство? — неторопливо подал голос советник Чжао.

Стоило заговорить о казенных расходах, как Цзян Умянь тут же переключился на советника Цзяня:

— Сперва набросаем статьи расходов, а детальной проверкой займемся позже. Нам нужны три ведомости: растраты прежнего судьи, ущерб от налета бунтовщиков и смета на восстановление. Что до амбаров...

Поразмыслив мгновение, он припомнил важную деталь:

— В свое время эти хранилища возводились наполовину на средства из казны префектуры, а наполовину — на местные налоги. Советник Линь, составьте прошение и направьте его в управу префектуры Нанькан, как того требует порядок.

— Если префектура Нанькан откажет в помощи и переложит все расходы на наши плечи, боюсь, уездная казна попросту лопнет, — покачал головой Линь Шоуюань.

— Спешить некуда, — успокоил его Цзян Умянь. — Месяц-другой у нас в запасе есть. За это время мы подготовим подробную смету и все сопроводительные бумаги. Пусть советник Чжао займется чертежами и расчетами, советник Цзян проверит цифры, а вы, советник Линь, оцените готовый документ свежим взглядом. А там посмотрим на объемы осеннего налога и решим, где можно ужаться, а где — прибавить.

Возведение новых закромов — дело долгое, месяца на три, а то и на все пять, тут спешка ни к чему. Куда важнее сейчас было разослать уездных приставов по домам местных богатеев, дабы растряссти их мощну. А как только губернатор Бай утихомирит округу, уездная управа со всей строгостью спросит с виновных по старым долгам.

— А теперь — отдыхать. Даю вам полдня, — подытожил судья. — После обеда за работу: советник Линь берется за прошения, советник Чжан выясняет, пригоден ли еще к службе уцелевший тюремный караул, советник Чжао садится за смету, а советник Цзян вместе со мной отправляется к регистратору У потрошить старые архивы.

Обычно вновь назначенный уездный судья привозил с собой собственного советника по налогам и сборам, дабы держать руку на пульсе местных финансов. Если же такого

доверенного лица не оказывалось, ведение книг по закону поручалось помощнику судьи или регистратору. Но поскольку помощник судьи геройски пал при обороне стен, все бремя забот об уезде Шаоюань легло на плечи единственного уцелевшего чиновника — регистратора У Шэна.

Несчастный У Шэн, который после долгих мытарств только-только впервые набил брюхо горячей похлебкой, снова предстал пред светлые очи нового уездного судьи. Минувшей ночью, едва спасшись из лап бунтовщиков благодаря Цзян Умяню, он до самого рассвета давал показания дознавателям губернатора Бая. Стоило ему забыться тяжелым сном под утро, как в ворота снова требовательно постучали. На пороге он стоял бледный, изнуренный, с заспанным лицом и слипающимися глазами.

Однако едва несчастный регистратор столкнулся взглядом с пронизательными, холодными глазами Цзян Умяня и застывшей, точно маска покойника, физиономией советника Цзяня, остатки сна с него как ветром сдуло. Перепугавшись до глубины души, он торопливо распахнул дверь и заискивающе залепетал:

— Господин уездный судья... советник Цзян... Прошу вас, проходите, милостивые господа.

Жестом велел хозяину не суетиться с чаем, Цзян Умянь сразу перешел к делу:

— Хранятся ли у тебя подлинные приходно-расходные книги твоего прежнего начальника?

Разумеется, нового судью ничуть не интересовали те лживые, шитые белыми нитками отчеты, которые стряпали для префектуры. Ему требовалась настоящая, «черная» бухгалтерия — скрытые от чужих глаз записи, куда казнокрад заносил каждую украденную мерку зерна, каждый утаенный лян серебра и каждую взятку вышестоящему начальству.

У Шэн воровато покосился на дверь и, понизив голос до шепота, заговорщически произнес:

— Подлинных книг этого лихODEя в самой управе не сыскать, господин. Он ведь прибыл на службу с двумя собственными помощниками, и его советник по налогам оберегал эти записи пуще зеницы ока. Нам, мелким служащим, и близко ходу туда не было, да и своих забот хватало — недосуг караулить чужие сундуки.

— И все же ты копался в его отчетах и прекрасно знаешь, чем он промышлял, — безжалостно оборвал его Цзян Умянь. Он сразу уловил недоговоренность в словах регистратора и заговорил тоном, не терпящим возражений: — Ты следил за каждым его шагом. Выведал, с кем из местных купцов он водил дружбу, какие сделки проворачивал за спиной закона и, готов поспорить, все эти годы втихомолку вел собственные записи.

Советник Цзян с любопытством оглядел регистратора: сутулый мужчина средних лет с редющим пучком волос на макушке, угасшим взором и печатью вечной усталости на челе. Глядя на это жалкое существо, трудно было представить, откуда в нем взялась дерзость

собирать компромат на собственного начальника.

У Цзян Умяня на сей счет имелись свои догадки, однако он предпочел смолчать, лишь буравя регистратора У своим фирменным, тяжелым и пугающим взглядом.

«Святая Матушка заступница, только не смотрите на меня так! Вы же сами все разложили по полочкам, мне и добавить-то нечего!»

Ссутулившись еще сильнее, регистратор уныло вздохнул и покорно признался:

— Ваша правда, господин судья... Вел я такие записи года три, грешен. Крупные статьи расхода у меня расписаны довольно подробно, а для сомнительных сделок, концы которых отыскать не удалось, я завел отдельную тетрадь.

Тайник у регистратора был знатный: книги, тщательно обернутые промасленной бумагой и вымазанные сажей, хранились прямо в кладке кухонного очага уездной управы. Вытащив на свет три испачканные золой тетради, У Шэн принялся давать пояснения:

— Вот здесь записаны казенные ассигнования. За шесть лет средства из столицы поступали трижды: в семнадцатом году эры Цзяньюань на ликвидацию последствий наводнения, в восемнадцатом — из-за небывалых снегопадов, а в двадцатом — на восстановление после разрушительного прилива. Во второй тетради отражено движение зерна: сколько налогового хлеба ушло перекупщикам, какие новые поборы вводились в уезде и как прежний судья в сговоре с купеческой семьей Лю наживался на продаже риса из резервных хранилищ по грабительским ценам. А вот в третьей...

При виде третьей книги У Шэн замялся. Он нахмурился, тщательно подбирая слова, прежде чем продолжить:

— Тут дела странные творятся. Быть может, я излишне мнителен, но эти записи словно бы не имеют отношения к нуждам Шаоюаня. Формально комар носа не подточит, но стоит пересчитать вручную — и концы с концами не сходятся. Впрочем, не исключено, что мне просто не хватило сноровки в бухгалтерии.

Договорив, регистратор смиренно склонил голову. Цзян Умянь кивком велел советнику Цзяню забрать тетради, а сам развернулся к выходу:

— Идем в управу. Пора свести баланс.

В присутствии посторонних судья всегда изъяснялся предельно лаконично, нимало не заботясь о том, в какое замешательство это повергает собеседников. Советнику Цзяню пришлось взять инициативу в свои руки и сухо бросить застывшему в нерешительности регистратору:

— Не отставай.

В архиве управы нашлось достаточно бумаг для сверки. Какими бы безупречными ни казались официальные отчеты, истинное движение казенного серебра и зерна всегда можно разглядеть по едва заметным зацепкам. Вскоре в тишине кабинета зашелестели страницы. Запах вековой пыли смешался с едким ароматом старой туши, а воздух наполнился сухим, дробным перестуком костяшек на счетах.

— В семнадцатом году эры Цзяньюань из-за проливных дождей случился неурожай. Казна выделила помощь в размере двадцати тысяч лянов серебра, — зачитывал Цзян Умянь, водя пальцем по строкам. — В восемнадцатом году, после сильных холодов и снегопадов — еще двадцать тысяч. В двадцатом, для восстановления после разрушительной приливной волны — снова двадцать тысяч. В двадцать первом году, опять из-за неурожая, уезд на год освободили от уплаты податей.

Сопоставив налоговые поступления Шаоюаня, уездные расходы и присланные из столицы суммы пособий, судья с тихим хлопком закрыл тетрадь. Облачко угольной пыли медленно растаяло в воздухе.

— Какую долю в делах прежнего судьи занимали купеческие семьи Лю и Ши? — спросил он.

В «черной» бухгалтерии имена этих двух семейств мелькали едва ли не на каждой странице. Львиная доля сомнительных сделок приходилась на долю семьи Лю, чуть меньше выгоды получала семья Ши, остальным же двум влиятельным домам уезда доставались лишь жалкие крохи с этого барского стола.

У Шэн поспешил выложить все, что знал:

— Три года назад этот лиходей взял в наложницы девушку из побочной ветви семьи Лю. Прежде владельцы рисовых лавок из четырех богатейших семей постоянно враждовали и перебивали друг другу цены. Но как только Лю породнились с властью, купцы из семьи Ши прикусили языки и больше не смели перечить соперникам. С тех пор все четыре дома негласно признали главенство семьи Лю. Впрочем, люди из рода Ши тоже не дремали. Вскоре они прислали судье целую джонку, груженную дарами — одному небу известно, какое сокровище там скрывалось. На следующий день наш мздоимец пребывал в благостном расположении духа и закатил пир горой, выписав роскошный обед из лучшего трактира «Цзуйсянь». В тот день по всем коридорам управы такой дух стоял, что слюнки текли... Не прошло и двух недель, как на улице Мира открылись две новые лавки семьи Ши. И как раз в тот год наши резервные хранилища опустели настолько, что там впору было на слонах разъезжать, да и из уездной казны изрядный кусок серебра куда-то испарился.

«Три года», — мысленно отметил Цзян Умянь.

Открыв тетрадь за указанный период, он быстро отыскал несколько подозрительных записей. Судя по всему, эти средства и запасы зерна осели непосредственно в карманах его

предшественника.

Заручившись поддержкой местных торговцев и наладив надежный сбыт краденого хлеба, казнокрад вконец потерял страх. Он без колебаний запустил руку в казенные сундуки Шаоюаня и без труда сумел увести крупную сумму.

Однако Цзян Умянь искал вовсе не распиленные налоги. Его куда больше интересовали расходы на содержание арсенала, искусно замаскированные среди прочих хозяйственных трат.

Императорский двор ежегодно выделял провинциям колоссальные средства на перевооружение армии. В одних краях префектуры присылали в уезды готовые клинки и доспехи, в других — перечисляли серебро напрямую. Поскольку в Шаоюане исстари славились умелые оружейники, префектура Нанькан неизменно отправляла в уезд звонкую монету, дабы местная управа сама закупала мечи и копья для обновления арсенала.

Но те жалкие железки, что Цзян Умянь лично выковыривал из раскисшей глины на месте разграбленного склада, давным-давно проржавели насквозь, а их деревянные рукояти источил жук-древоточец. Куда же в таком случае делись казенные средства?

В изъятых книгах эти суммы не значились вовсе. Были ли они удержаны чиновниками в Нанькане или все же дошли до Шаоюаня и пошли в дело? Но если клинки действительно выковали, то где же они теперь? Кому и зачем понадобилось тайно копить боевое оружие в глухом уезде?

В мыслях Цзян Умяня зловещим эхом отозвалось лишь одно слово:

«Мятежники»

<http://bllate.org/book/19045/1906249>